

Тайна
дебушки
с
рисунка

Вера
Шахова

Вера Шахова

Тайна девушки с рисунка

<https://litres.ru/73866543>

SelfPub; 2026

Аннотация

Уютный, лёгкий детектив с хорошим юмором и интересными персонажами.

Нина, спасаясь от зимней депрессии, соглашается присмотреть за домом и двумя питомцами, пока хозяйка будет в отъезде — большим белым псом Пухом и высокомерной кошкой Брунгильдой. Уютная библиотека, неторопливые прогулки, горячий кофе.

Всё рухнет, когда по соседству находят тело эксцентричной соседки Амалии — пожилой дамы, верившей в магию и третий глаз. А рядом с телом — шапку Филиппа, с которым успевает сдружиться героиня.

Теперь главный подозреваемый — Филипп, а Нина, сама того не желая, оказывается в центре детективного расследования. Вместе с бесстрашной подругой Марусей и Филиппом она пытается найти настоящего убийцу.

Но чем глубже они копают, тем яснее становится: смерть Амалии — лишь верхушка айсберга. Старинные дневники, таинственный рисунок девушки с загадочными значками, и древний ритуал обещающий бессмертие...

Обложка нарисована мной

Содержание

Пролог (15 лет назад)	5
Глава 1 (Знакомство)	10
Глава 2 (Филипп)	23
Гл	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Вера Шахова

Тайна девушки с рисунка

Пролог (15 лет назад)

Лето. Посёлок архитекторов и академиков, построенный на территории стариной усадьбы. По развалинам усадьбы лазают двое девятилетних мальчишек.

— Слушай, ты уверен, что он там?

— Да, точнее не бывает! Мне Славка рассказал. Его дед во время войны случайно узнал. Только достать не успел!

— Так может, уже сто раз как забрали!

— Да некому! Погибли все, кто про клад знал. Дед Славкин один остался, да и тот, уже, помер.

— А Славка тогда откуда знает?

— Говорю же, дед сказал! Тут раньше богачи жили. Может, сам царь! А потом революция! Хозяева всё золото спрятали, сами за границу драпанули. Большевики искали — не нашли, белые пришли — наших прогнали. Потом красные белым накостыляли. Усадьбу в санаторий перестроили. Нашли письма старого хозяина. А там всё-всё описано, что спрятано! Куча золота, картины, украшения, книги старинные...

— Книги? — заинтересовался второй мальчишка, бело-брысый, вихрастый, длинноногий. — Книги? Это интересно! А какие?

— Да разные! — уверенно кивнул первый. — Ходят слухи, что хозяин не простой был, а самый настоящий колдун. И книги у него особые были. Чёрные.

— Почему чёрные?

— Потому что по ним духов вызывали! И дьявола! — последнюю фразу, тёмненький, коренастый мальчишка сказал шёпотом, хотя вокруг, кроме них, не было ни души. Только ветер шелестел в листьях да сумерки несмело заглядывали через сохранившиеся оконные проёмы. — Говорят: если те книги найти и правильно прочитать, любое желание исполнится. Представляешь, Фил, любое! Хоть хоккеистом известным стать, хоть отличником. Я вот собаку хочу — большую. Только мать не разрешает.

— Пашка, дай честное слово, что не врёшь! — развернулся к другу Фил так резко, что тот в него врезался.

— Ты чё! Зуб даю! — Пашка щёлкнул пальцами по резцу и скорчил серьёзную физиономию. — Дед Славкин не врал. Он партизанил. Наши отступали, немцы наступали. Партизаны раненого подобрали. Он рассказал, как с комиссаром на тайник наткнулся. Комиссар хотел всё себе забрать, да не успел — немцы помешали. А потом и усадьбу разбомбили.

— Пашка, пошли домой, не найдём мы тут ничего. И темнеет уже!

— Испугался, да? Страшно?

— И ничего не испугался. Сам посуди: сто лет ищут, найти не могут, а мы, значит, за пять минут разыщем, да?

— Ну не за пять минут, — надулся Пашка, обиженный, что друг ему не верит, — а за ночь, так возможно. Хозяин усадьбы, ещё тот жук, оставил призрака охранять и условие поставил: кто за ночь три загадки разгадает, тот получит клад. А кто нет — сам призраком станет.

— Не, мне призраком нельзя, отец обещал с собой на турбазу взять. В горы пойдём с ночёвкой. — Развернулся на выход Филипп.

— Да не бойсь! — Пашка хлопнул друга по плечу так, что тот присел. — Я всё продумал. Ты костёр разводить умеешь?

Филипп кивнул. Он много чего умел: и костёр развести, и рыбу почистить, и даже читать почти как взрослый. Потому батя и запланировал поход.

Огонь разгорелся быстро. Мальчишки жарили хлеб, насаженный на длинные пруты, смотрели на звёзды, слушали ночные звуки, и, иногда, вздрагивали от непонятных шорохов за их спинами.

— А если правда призрак выйдет? — спросил Фил, откусывая пригоревший краешек ржаного ломтя.

— Ну выйдет и выйдет, — храбрился Пашка. — Потом в школе расскажем — все обзавидуются.

Где-то каркнула потревоженная ворона. Фил поёжился и подбросил в костёр веток.

— Пойду ещё соберу, — сказал он, поднимаясь.

— Не ходи далеко, — зевнул Пашка. — Там ямы и темно.

Филипп отошёл за развалины, огляделся — не видит ли кто, расстегнул штаны, прицелился и увидел, как что-то блеснуло в щели между камнями. Сердце ёкнуло. На секунду остановилось и застучало барабанной дробью. Неужели клад? И он, Филипп, его нашёл?!

Поспешно застегнулся. Наклонился, расшатал камень, просунул ладонь в образовавшуюся щель. Нащупал свёрток. Вытащил. Развернул тряпицу — в ней оказалась шкатулка, железная ножка которой и блестела в прореху. Открыл. Внутри лежал листок с необычным рисунком: девушка, за спиной которой вставало солнце, и значки по кругу.

— Ты чего так долго? — раздался за спиной Пашкин голос.

Филипп вздрогнул. Обернулся.

— Вот, — протянул он находку другу.

— Ого! — выдохнул Пашка. — Дай сюда! А, рисунки... не интересно. Не смотрел, там есть ещё что?

— Не знаю, темно.

— Ладно, завтра проверим. Пошли к костру, жутковато тут.

Сидя у огня, Филипп рассматривал удивительный рисунок. Он и сам делал неплохие карандашные зарисовки, а этот буквально завораживал тонкими линиями и удивительным орнаментом.

— Нравится? — придвинулся ближе Пашка.

— Очень! — кивнул Филипп.

— Давай делиться по-честному. Я возьму шкатулку, а ты рисунок. Просто, может, мы больше ничего не найдём, и призрак не появится, а так у нас будут свои трофеи.

Филипп снова кивнул.

Костёр почти догорел. Светало.

Глава 1 (Знакомство)

Наши дни.

— Я нашла тебе работу! — радостно размахивает смартфоном Маруся, перешагивая порог моей квартиры. — Вот, смотри!

На экране телефона высвечивается объявление, и, пока подруга снимает ботинки, я читаю: требуется няня для очаровательной пары животных. Хозяева едут в отпуск и ищут отзывчивого человека для выгула, кормления и развлечения любимых питомцев — собачки по имени Пух и кошки Брунгильды.

— А что? — по-хозяйски топает на кухню подруга, открывает холодильник, достаёт кусок колбасы, нюхает, довольно кивает и тянет руку за сыром. — Свободный график, без начальников, дедлайнов и прочих вредителей. Встаёшь ты рано, так что погулять с собаченцией проблем не будет, кошачьи вообще тебя обожают. И да, проживание на территории хозяев. В комментариях есть фото, зацени домину! Так что я уже позвонила и договорилась о собеседовании на два часа. Сейчас чайку бахнем и помчимся.

Я смотрю, как Маруся ставит на огонь чайник, режет бутерброды, попутно ищет сахарницу и молоко. Некоторые друзья хуже татар, но, с другой стороны, без неё я бы совсем пропала. Уволившись с работы, я не ожидала, что ханд-

ра накроет меня так сильно, плюс зима с морозами, короткие световые дни и куча непрочитанных книг, из-за которых совсем не хочется выходить на улицу. Почему я ещё не покрылась бурой шерстью и не впала в спячку — непонятно. Жую бутерброд и мрачно думаю, как бы повернуть собеседование так, чтобы у подружки больше не возникало мыслей пристроить меня на работу. То, что отвертеться не получится, и так понятно, но можно чуть-чуть сбить с Маруси пыл и дать мне шанс провести эту зиму в постели. Что лучше: пойти в пижаме с черепами и всё собеседование горько вздыхать о духах покойных родственников? Или, наоборот, надеть весёленький костюмчик и сыграть роль не затыкающейся ни на секунду Коломбины? А может, сказать, что мечтаю стать таксидермистом и присматриваю кандидатов для дипломной работы?

В результате через час я тряслась в Маруськиной машине в самом обычном тёплом спортивном костюме, удаляясь от города со скоростью 80 километров в час.

Дом оказался небольшим каменным особнячком в два этажа с круговым балконом в одном из элитных дачных сообществ. Что ж, уверена, что в кандидатах на выгул Пуха, желающих пожить здесь нахалюву, — предостаточно. А значит, и требования будут чуть выше, чем мои скромные познания в правилах содержания животных. Так что не стоит волноваться, что меня возьмут. Мы поднялись по ступенькам и постучали в дверь. Миниатюрная женщина лет шести-

десяти любезно пригласила войти, проводила в круглую гостиную, спросила, не хотим ли овсяного печенья. Я оглядывала комнату и ощущала себя героиней книг Диккенса: антикварные лампы, на полу шикарный ковёр кофейного цвета, на журнальном столике у высокого окна — стопка газет и перевязанные синей ленточкой почтовые конверты. Масивная мебель с вычурной резьбой, камин с горящими в нём дровами. Я топталась на пороге, не смея его переступить, словно ожидая, что, сделав шаг, мой уютный спортивный костюмчик рассыплется в прах, уступив место алому платью в пол с открытой спиной и бантом на жопе.

— А вот и Пух, — лучезарно улыбнулась хозяйка, глядя за мою спину.

Я обернулась и сползла по дверному косяку на пол. Пух, белоснежный лохматый пёс с меня ростом, в чьей родословной явно проглядывались носорог, полюбивший собаку Баскервилей, радостно махнул хвостом, задел им стул, отчего тот отлетел на метр в сторону. Пёс подошёл ко мне вплотную и лизнул в лицо. Облизнулся. Видимо, я показалась ему очень аппетитной. Теперь понятно, почему ищут для него сиделку по объявлению: ближайшее окружение уже съедено, а профессионалы, не досчитавшись десятка-другого сотрудников, не хотят иметь с этой семейкой никаких дел.

— Маруся сказала, что вы очень любите собак и не откажете в такой малости, как присмотреть за нашим обормотом. Он очень добрый, правда милый?

Милый махнул ушами, спровоцировав небольшое торнадо, и вновь лизнул меня в нос. Видимо, с первого раза не распробовал, какова я на вкус.

— А вы ему нравитесь! — подала мне руку хозяйка, помогая подняться. — Простите, что не предупредила, но Пух любит сам выбирать, с кем дружить, и ему важна первая реакция. Вы не закричали, а это очень важно. Понимаете, у него тонкая нервная организация, совершенно не выносит громких звуков. При этом обожает слушать Шопена, Генделя, Штрауса. Я вам покажу, как включать пластинки. Но вначале чай или предпочитаете, что покрепче?

— Чай, ромашковый, пожалуйста, — наконец рухнула я в кресло со страшным подозрением, что меня только что приняли на работу.

Маруся же как ни в чём не бывало хрустела печеньем, словно ничего не произошло и её лучшую подругу не пыталась сожрать гигантская собака, невозмутимо положившая свою тяжёлую голову мне на колени. Видимо, сторожила свой ужин. Интересно, а Брунгильда тогда кто? Домашний тигр, пума, африканская львица?

— Мы с мужем собрались в путешествие на круизном лайнере, — щебетала Серафима Николаевна, разливая по чашкам чай. — Давно мечтали увидеть Тихий океан, Филиппины, Фиджи, голубую лагуну на острове Эфате. Вот только этих двоих совершенно не с кем оставить. Они привереды, понимаете? Но вы не переживайте, я оставлю подробную ин-

струкцию на кухне. Раньше с ними возился наш сын, и мы все чудесно ладили, пока не появилась Людочка. Это невеста Филиппа. Мы рассорились. Он даже трубку не берёт. Хотели устроить Пуха с Бруней в гостиницу, специальную, для животных, — не получилось. У них клетки, а Пух мальчик крупный. С частными агентствами тоже не вышло. Одна надежда на вас. Жить будете здесь. Я подготовила комнату на втором этаже в конце коридора. Маруся сказала, что вы любите читать, не стесняйтесь, у нас прекрасная библиотека. Бруня вам составит компанию. Единственное условие: никого сюда не водить, вечеринки не устраивать и не обижать Пуха.

Я слушала болтовню хозяйки и думала, что вот так не бывает, если ты, конечно, не героиня какой-нибудь книжки. С меня даже паспорт не спросили. Хотя, зная Марусю, уверена, что она уже провела полный аудит и хозяев, и животных, и родственников с соседями до седьмого колена. Да и мои документы, наверняка уже предоставлены хозяйке. Всё-таки она у меня молодец: вот так ловко выманить меня из шумного надоевшего города в уютный коттедж с библиотекой, огромной собакой и...

— А где кошка? — прерываю монолог Серафимы Николаевны и тут же вижу, как из-за Марусиного кресла выходит кошечка, крохотная, почти котёнок. Трёхцветная, с жёлтыми глазами. Останавливается посередине комнаты, потягивается, слегка проводя коготками по ковру, садится, зевает, не

сводя с меня глаз. После чего вальяжно начинает умываться, словно никого из нас, людей, в комнате не существует.

— Вот и Брунгильда дала своё одобрение, — нарезала пирог к чаю хозяйка. — Вы бы слышали, как она шипела на предыдущего кандидата! Тот даже посоветовал вызвать экзорциста! Вы угощайтесь, не стесняйтесь, девочки. Итак, Нина, я же могу называть вас просто по имени? — и получив утвердительный кивок, продолжила: — вы готовы пере-ехать к нам послезавтра, скажем, часов в пять вечера? Я как раз успею всё показать, познакомить с Фимой, она приходит прибирать дом по вторникам и субботам, заодно подпишем договор. Согласны?

Так я оказалась в этом чудесном доме с двумя непоседами. Брунгильда следила за точным выполнением распорядка дня, а Пух взял на себя обязанности сопровождающего, периодически корректируя мои намерения пойти в сторону того или иного помещения лёгким прикусыванием рукава или тыкаясь лбом мне под колено.

В пять утра Бруня путём лёгкого покусывания моих ушей мягко намекала, что ей пора завтракать, и, как истинная аристократка, кошка предпочитала принимать пищу в гордом одиночестве. Так что в её тарелку отправлялось «нежнейшее филе кролика в сметанном соусе» от какого-то немис-лимо крутого шеф-повара, лучезарно улыбающегося с паке-та, а мы с Пухом топали на прогулку. И пока Пух гонял ворон, изображал прыгающий сугроб и выкапывал из снега ду-

бинки, я знакомилась с местными собаководами. Как оказалось, очень милыми людьми, с небольшими чудачествами. А как иначе назвать людей, готовых добровольно идти в темноту ради погуляшек своих любимцев?

Вернувшись домой, Пух долго и тщательно вытирал о коврик лапы, после чего самостоятельно топал в ванную. После водных процедур я доставала из мультиварки кашу, смешивала её с собачьими консервами, кормила Пуха, а заодно второй завтрак получала и Брунгильда. После чего я шла грабить хозяйский холодильник — благо Серафима Николаевна оставила столько запасов, что мне бы хватило на год.

Дальше мы все вместе перемещались в библиотеку. Небольшая уютная комната с двумя креслами и книжными шкафами, упирающимися в потолок. Я ставила пластинку Шопена и блаженно улыбалась, проводя пальцем по корешкам книг. Золотое тиснение имён авторов мерцало в лучах восходящего солнца, обещая увлекательные истории. Бруня занимала одно из кресел и терпеливо ждала, когда я уже определюсь с выбором. Как оказалось, эти двое обожали, когда им читают вслух, а я что? Я не против. Пух клал мне на колени свою голову и закрывал глаза. Бруня следила за интонациями, изредка коротким «Мяу» выражая своё несогласие с выбранными мною ударениями.

Потом обед и снова прогулка. Тихий час. Спасибо, что хоть от меня не требовали укладываться рядом, и я тихонько сидела с ноутбуком, пока эти двое храпели с разных сторон.

При этом, если мне нужно было выйти в туалет или на кухню за водичкой, то только в их непосредственном сопровождении. После возвращения меня на место эта парочка вновь погружалась в сны. Складывалось впечатление, что не я за ними присматриваю, а они за мной. И да, ровно в двадцать два тридцать — отбой. Поверьте, когда милая собачка размером с годовалого телёнка настаивает на здоровом образе жизни, ей невозможно отказать. Свет Пух тоже выключал сам перед тем, как спрятать под своё меховое пузо мои тапочки. Бруня просто пристраивалась на соседней подушке и пересказывала мне сказки Астрид Линдгрен про самое милое в мире приведение с моторчиком. В её исполнении моторчик звучал как БелАЗ.

Так прошла неделя. А после в нашу дверь постучала соседка.

— Ниночка, — начала она говорить ещё до того, как я успела открыть дверь, — моя Лара к вам не забежала? Не могу её найти! Я знаю, что она несколько раз приходила в гости к Симочке, сами понимаете, у неё такая энергетика — невозможно отказать!

— У кого энергетика? — не поняла я, пропуская Амалию Сергеевну в прихожую. — У Серафимы Николаевны или Лары?

— У Симочки конечно! Можно я посмотрю? Вы даже не представляете, какая у неё аура! — щебетала соседка, оглядываясь по сторонам. Пух тем временем сел на пороге гости-

ной, всем видом показывая, что туда не пустит.

— Такая светлая-светлая! Вы не видите, да? — тем временем продолжила, растерянно хлопая глазками соседка.

— Не-а, — отвечаю я, а про себя размышляю, есть ли вообще кто-то, кто смотрит ауру у собак? Только представьте: сидит такой спец в цыганской палатке и рассказывает про разноцветные круги вокруг пёсиков, заодно рекомендует, что сделать, если надо подкрутить сиреневый творческий потенциал или сердечный красный, а для удачной дрессировки синенький, за левым ухом. А соседка тем временем продолжала:

— Вам просто необходимо походить на йогу! Я дам вам проспект! Венидикт — чудеснейший человек. Вы почистите чакры, откроете третий глаз и узрите такое...

— Гав... — прервал монолог соседки Пух. Совсем тихо так, вполголоса, но этого хватило, чтобы соседка вспомнила что пришла не новых adeптов вербовать, а за сбежавшей любимицей.

— Простите, Ниночка, Пух меня недолюбливает, сама не понимаю почему. Я пойду, хорошо? Если всё же Лара найдётся...

— Мы проводим её домой. У нас как раз время прогулки.

— О, вы чудо! — вновь повеселела сникнувшая было соседка. — Я, конечно, уверена, что она где-то дома, спряталась и спит. Такая непоседа. Не поверите, когда я её взяла, Ларочка была размером с мышонка! Так мы её часами иска-

ли, пока не подросла и не начала подавать голос!

Наконец, выпроводив соседку за дверь, выдохнула с облегчением и обхватила голову подошедшего Пуха.

— Ну что, признавайся, ты сожрал эту хохлатую китаянку? И даже не поделился!

Пёс дважды чихнул и скорчил такую морду, что стало понятно: моя аура сейчас совершенно не светлая, а очень даже запачканная, и её надо срочно чистить снежком.

— Ладно, пошли уже, чудо моё лохматое, — вздыхаю я, натягивая пуховик и засовывая ноги в тёплые сапоги. — Заодно и правда поищем эту горемычную Лару. А то Амалия снова явится, чакры чистить.

Пух при слове «гулять» совершает кульбит, от которого с журнального столика падает стопка газет, и несётся к двери, едва не снося меня с ног. Брунгильда провожает нас взглядом, полным философского презрения. Конечно, их трёхцветное величество не собирается морозить царственные лапки в холодном снегу, это удовольствие для плебеев, таких, как я с Пухом. Но мы пропускаем эту колкость мимо и выходим в сумерки.

Пух тащит меня по протоптанной тропинке в сторону парка, но на полпути внезапно тормозит, принюхивается и решительно сворачивает налево, к соседнему участку.

— Ты куда это? — пытаюсь я его удержать, но куда там. Пух — это не собака, это локомотив в меховой шкуре. Так что мы влетаем в калитку соседнего дома, которая почему-то

оказывается незапертой, и пёс, буквально приволакивает меня к лавочке, на которой в синем комбинезончике, поджав под себя лапы, сидит Лара, с такой несчастной физиономией, словно ей поручили разгрести все беды мира, а лопатку не выдали. А куда она, с такими крошечными лапками? Только блох ловить.

— Сидишь тут, сторожишь дом, пока хозяйка по гостям бегаёт? — бормочу я, подхватывая собаченцию на руки и решительно топаю к крыльцу.

Дом Амалии, мягко говоря, своеобразен. Все стены увешаны амулетами, мандалами, в углу журчит миниатюрный фонтанчик, и пахнет сандалом. Пух чихает и с подозрением косится на журчащую в свете разноцветных лампочек, воду. Лара сидит на руках у хозяйки, завёрнутая в пушистый плед, и довольно жмурится.

— Я ей говорила, не ходи к Симочке без спросу, — причитает Амалия, целуя любимицу в нос. — Но у неё же характер! Ах да, я же обещала вам проспект! — Амалия, довольно резво для пожилой женщины, скрылась в недрах дома, а вернувшись, протянула ворох глянцевых листовок.

— Венидикт удивительный человек! Не представляю, как я жила до него. От него исходит такой свет, такая энергия...

Амалия на мгновение замолчала, а после вцепилась в рукав моего пуховика.

— У меня есть книга. Старинная. Очень старая. Она при-

надлежала моему деду. Хотя, вы, наверное, не знаете, он обладал большой силой. Видел будущее. И все свои знания тщательно записывал. Я отдам книгу вам.

— Почему мне? — растерялась я.

— Вы светлая и очень мне понравились, — просто ответила соседка. — Не такая как все, кто тут живёт. Вас не купишь, не запугаешь. Я чувствую. С вами мир будет в безопасности!

— Мы завтра зайдём, хорошо? — отступила я к двери, вцепившись в ошейник Пуха. Конечно, я люблю мистические истории, но лучше смотреть их дома, по телевизору, чем становиться активной участницей.

— Буду ждать, — улыбнулась Амалия, глядя на меня с такой надеждой, что я ощутила себя совершеннейшей негодяйкой. — Только никому не рассказывайте про наш договор. Я очень прошу!

— Амалия Сергеевна, нам пора. — Сделала я ещё одну попытку уйти. Правда вырваться из цепких ручек соседки мне удалось только минут через десять, прослушав краткую лекцию о важности открытия третьего глаза и трижды отказавшись от просветляющего, чистящего все чакры сразу, чая. Выскочив за калитку, Пух радостно нырнул мордой в сугроб. Видимо, решил почиститься от благовоний. Я падаю рядом. Хорошо, что в это время в посёлке мало кто гуляет, разве что – собачники. Но эти ребята настолько ко всему привычные, что приземлился сейчас НЛЮ, не удивятся. По-

думаешь, просто и их инопланетная собачка тоже захотела прогуляться.

Глава 2 (Филипп)

Пух рычит и рвётся домой, просачивается в едва приоткрытую входную дверь, мчится на кухню, оставляя грязные следы лап на полу. Слышу вопль и грохот. «Воры!» — думаю я, хватая стоящую у входа лопату, и бегу следом за псом. Слышу возню, приглушённый шёпот, чих. «Ну, — думаю, — сейчас ка-а-а-ак дам, больно! Чтоб неповадно было!»

На кухонном столе — чашка чая, открытая банка клубничного варенья с торчащей в ней ложкой, испечённые утром кексики. Из-под стола торчат длинные босые ноги в синих джинсах и хвост Пуха, отбивающий чечётку по паркету. Видимо, собаку можно уже не кормить. Свою порцию мяса и костей Пух на сегодня получил, а может, и на завтра тоже. Интересно, где тут без палева можно прикопать труп, учитывая, что кругом зима, а из меня копатель, как из поросёнка балерина. И тут труп дёрнул коленом, долбанулся им об ножку стола, матюгнулся, расхохотался, попытался сбросить с себя Пуха. Я от неожиданности сделала шаг назад, вцепилась покрепче в древко лопаты и с воплем:

— А ну лежать! — замахнулась для удара.

— Пффф... — свалился с незнакомца Пух. Перевернулся на спину и, задрав лапы вверх, замер.

— Фрррр... — продолжила массировать темечко незваного

гостя Брунгильда.

— Вау! — заржал белобрысый «вор», поднимая руки над головой в знак того, что сдаётся.

— Вы живы?! — замерла я с поднятой вверх лопатой.

— Вашими стараниями! Пух не успел слизать мне лицо, хотя волос я сейчас всё же лишусь, — отцепляет от головы кошку гость.

— Филипп, — выдыхаю я уже спокойнее, опуская лопату, — вы сын Серафимы Николаевны? Простите, мы вас не ждали. Я — Нина Ростиславовна, можно просто Нина.

— Очень приятно — Филипп. Признаться, я и сам себя не ждал. — Наконец встаёт с пола молодой человек. — Простите, что как снег на голову, так получилось! — пожимает он плечами, глядя Бруню. И тут же прижимается к стене, ибо Пух решил, что недостаточно высказал степень своей радости от встречи, и, вскочив на лапы, прижал молодого хозяина к обоям. И, как мне показалось, всё же попробовал откусить ему голову.

— Знаете что? — расстёгиваю сапоги прямо здесь, опираясь на дверной косяк. — Идите-ка вы все в ванную, лапы мыть! А я хоть немного бардак приберу.

Пух на «мыть лапы» застывает, делая вид, что его тут нет, и вообще он всем привиделся. Бруня запрыгивает на кухонный шкаф и скрывается за многочисленными коробочками. Филипп чешет и так взлохмаченную голову, кивает, хватается пса за ошейник и пытается сдвинуть. Памятник упрямству

не поддаётся, даже на сантиметр не сдвинулся с места.

— Печеньку? — тихонько шепчет в ухо собаки Филипп.

Статуя отмирает и, виляя задом, идёт следом за хозяином. Слышу, как зашумела вода. И громкий шлепок. Смеюсь. Пух недавно уронил меня в ванну, видимо, решил продемонстрировать новый фокус и Филиппу.

Ставлю на место опрокинутый стул, вытираю воду с пола. Отношу на место лопату. Бруня уже орёт под дверью ванной, требуя впустить. Там смех и радость, а она не контролирует эту вакханалию веселья.

— Пожалуйста, найдите мне сухие штаны, — слышу голос Филиппа, — или хотя бы не проходите мимо ванной ближайšie две минуты.

Касаюсь пальцем чайник. Горячий. Прислушиваюсь к себе. Нет, определённо чаю не хочу. Достая кофеварку. Вчера медитировала над кофемолкой. Запаса хватит дня на три, а там закажу доставку. Зажигаю огонь. Наливаю воду. В кухню влетает Пух, радостно трясёт головой и замирает. Удивительно умный пёс. Я ведь ничего ему не говорила, но он знает: не стоит меня отвлекать, пока варю кофе. Лучше потом, дожидаться, когда усядусь в кресло, уложить голову на мои колени и уснуть, получая удовольствие от почёсывания за ушами. Бруня тоже смотрит с порога. Думает. Мягко ступая, идёт к окну. Запрыгивает на подоконник и уже наблюдает за мной оттуда. Нет, кофе она не пьёт. Но вот процесс варки, похоже, её завораживает.

Наконец над туркой поднимается кофейная пенка. Убавляю огонь. Тянусь за чашкой.

— Ух ты, как пахнет! — заглядывает через моё плечо Филипп. — Я, конечно, больше чаёвник, но сейчас от чашечки кофе не откажусь. Поделитесь?

Разворачиваюсь к нему лицом и не выдерживаю, начинаю смеяться над умилительно молящей рожицей этого белобрысого юноши.

* * *

Утро выдалось ослепительно бодрящим. Не в смысле что пора доставать тёмные очки, хотя, наверное, именно так. Пока я кормила её величество Брунгильду, мимо меня пронеслось и скрылось под столом одеяло. Следом за ним на кухне возник белобрысый Аполлон, благо в трусах. Белых. Усыпанных крошечными алыми сердечками и одним большим — на причинном месте. Человека, двадцать пять лет проработавшего в отделе кадров большого завода, сложно чем-либо удивить, однако я всё же предпочитаю видеть мужчин, пусть и атлетически сложенных, в более одетом виде. Тем более на кухне и тем более чужих мужчин.

— Сорри... — встретившись с моим недоумённым взглядом, нырнул обратно в коридор Филипп и, стащив из ванной халат, вернулся уже в приличествующем виде.

— Я правильно понимаю, что Пух настаивает на прогулке в твоём обществе? — подаю юноше чашку кофе.

— Я бы сказал, что это не требование — это ультиматум!
— трясёт головой Филипп, прогоняя остатки сна. Делает большой глоток и расплывается в улыбке. — Идеально!

— Поводок в прихожей, — улыбаюсь я, надеясь сегодня остаться дома. На улице холодно, а здесь пирожки и недочитанная книжка. Но, кажется, у Пуха на этот счёт другое мнение. Хитрец выбирается из-под стола и приносит мне сапог. Один. Левый. Значит, я тоже приглашена на прогулку. И попробуй откажи.

— Завтрак будет чуть позже, — глажу сытую, развалившуюся на кухонном диванчике Брунгильду.

— Я только одеяло заберу. — Согласно кивает Филипп, присаживается на корточки и получает по лбу хвостом радостного, вертящегося юлой, Пуха. Я только пожимаю плечами. Кто я такая, чтобы объяснять собаке, что показать радость от общения с хозяином можно кучей других способов, не обязательно бить, ронять и откусывать голову?

Мы выходим в солнечное утро под весёлый воробьиный щебет и одинокое воронье карканье. Пух, естественно, несётся разыскивать нарушительницу спокойствия, а мы направляемся к усадьбе.

— Я с друзьями в этих развалинах всё детство играл, клад искал, — протискивается сквозь заснеженную решётку ворот Филипп.

— Клад? — смеюсь я и лезу в барский парк следом.

— Да, есть у нас такая легенда. Ещё перед войной раско-

пали в здешних архивах письма беглого барина. Тот в революцию за границу дёрнул, а денежки с украшениями припрятал. Думал вернуться, как всё устаканится. Так вот, в переписке с неким господином он вскользь упоминает фонтан и что более всего беспокоится за его сохранность. Понятное дело, что в здешнем парке фонтана отродясь не было. Хотя чекисты всё перекопали вдоль и поперёк. До войны здесь была их здравница. А после того, как в сорок третьем сгорела, восстанавливать не стали. Так и стоит в руинах. Зато сад сохранился. Два гектара яблонь и вишни. Мечта поэтов и романтиков. Ну и я мальчишкой пропадал там целыми днями. После войны, уже мой дед продолжил изыскания. Уж очень ему хотелось восстановить усадьбу. Мечта была — открыть на этой территории конный клуб для детей. Только не вышло.

— А искал-то чего? — кидаю в снег резиновое кольцо. Пух бежит за ним и проваливается по макушку в сугроб. Сугроб возмущённо взмывает вверх армию снежинок и выплёвывает собаку обратно на узкую тропинку. Пёс довольно трясёт головой. Он сам сейчас как сугроб: большой, мягкий, с любопытным чёрным носом и озорными пуговками глаз на хитрой рожице, явно что-то замышляющей.

— Для восстановления нужно доказать какую-либо ценность барского дома. Вот старик и пытался, убедить наших власть имущих вложиться в историю старинного дома. — Пожимает плечами Филипп и тут же падает в снег, сбитый с

ног Пухом. Пару минут эти двое борются, веселятся, вздыбливая снег, становясь похожи то ли на снеговиков, то ли на пингвинов.

— Не получилось? — спрашиваю я, уворачиваясь от летящих во все стороны снежков.

— Не, — пытается встать Филипп, но пёс ловко подставляет подножку, и они оба вновь валятся в сугроб. — Типичная усадьба, каких по России вагон и тележка. Никому не интересно. И то, что вокруг развалин выстроен посёлок для архитекторов и академиков, тоже. Зато, лет пятнадцать назад у нас в соседях поселилась очаровательная Амалия Сергеевна, тётка моего лучшего друга.

— Хозяйка Лары? Смешной хохлатой собачки? — наконец оттаскиваю я разошедшегося в хулиганстве пса от Филиппа, давая ему шанс встать на ноги.

— Уже познакомились? — отряхивается от снега молодой человек, оглядываясь в поисках потерянной шапки.

— Да. — Указываю Пуху на темнеющий в снегу головной убор. Схватив его, пёс радостно уносится к развалинам, приглашая поиграть в догонялки, раз уж в «валялки» не хотим.

— Она приходила вчера, просила найти Ларочку, — смеюсь я.

— Вот проныра старая! — усмехается Филипп, натягивая на голову капюшон.

— Ну что вы так о ней, — беру его под руку, боясь поскользнуться. — Очень милая, хотя и эксцентричная жен-

щина.

— Свято уверенная, что моя семья её обокрала! — бьёт ладонью себя по ноге Филипп, подзывая собаку. На что Пух отрицательно мотает головой. На секунду разжимает зубы, и шапка летит дальше по тропинке. Пёс — за ней. А мы — за собакой и шапкой одновременно. Впрочем, шансов догнать практически нет.

— Хитрюга, — смеётся Филипп. — Иди дам печеньку! — Пытается вновь приманить пса. Тот спокойно кладёт на снег свою добычу, одним большим прыжком оказывается рядом, выхватывает угощение и, весело крутя хвостом, возвращается к трофею.

— Похоже, что одним печеньем тут не обойдёшься, — люблюсь я на собаку и её хозяина. Оба довольны так, что ещё немного — и засветятся.

— Ладно, — притворно ворчит Филипп, — но, если у меня отвалятся уши... — грозит он пальцем собаке. Пух машет хвостом, хватает шапку и скрывается между заснеженных остатков стен барской усадьбы.

— А почему Амалия уверена, что вы что-то у неё украли? — отказываюсь я идти дальше, останавливаясь посередине тропы. Бродить по сугробам в незнакомых развалинах, рискуя куда-нибудь свалиться, я не хочу.

— Потому что Амалия Сергеевна Крахенберг — внучатая племянница Семёна Николаевича Драбужинского, бывшего хозяина этой усадьбы. Его сестра вышла замуж, сме-

нила фамилию и затерялась в пожарах революции, избежав таким образом печальной участи многих буржуа того времени. Проще говоря, она не просто выжила, но и умудрилась дать прекрасное образование детям и внукам. Так вот, наша дражайшая Амалия после развала СССР предъявила права на эту усадьбу. И даже смогла доказать родство с Драбужинским, но вот вступить в права наследства не вышло. Дедуля мой подсуетился, нашёл какое-то распоряжение, что, мол, наследник обязан всё восстановить за свой счёт. Сам сделал проект и рассчитал, сколько надо денег для строительства конного клуба. Сходил с ним к Амалии. Хотел договориться о сотрудничестве: мол, она усадьбу восстанавливает, он договаривается с властями, и даже согласен, что весь доход от клуба пойдёт Амалии, а дед готов работать безвозмездно ради своей мечты, лишь бы детям с лошадами хорошо было. Та – в отказ. Откуда у неё такие финансы? Она-то надеялась найти клад Драбужинского, а тут такая оказия. Так что Амалия при каждом удобном случае напоминает нам, что дед лишил её наследства. Даже если усадьбу не восстанавливать, земли тут немерено. Денег за неё дадут много.

— Понятно, — хватаю я пробегающего мимо Пуха за ошейник. Шапку Филиппа этот плут уже где-то припрятал и совершенно не мучался угрызениями совести.

— Да ладно, найдётся, — отмахивается Филипп, натягивая капюшон. — У Пуха привычка с детства: если вещь понравилась — считай, пропала. У меня так три пары кроссо-

вок исчезли в неизвестном направлении.

Мы медленно бредём обратно к дому. В лёгком кружении снега посёлок выглядит почти сказочно. Пух вышагивает рядом, периодически пихая Филиппа носом под локоть — видимо, проверяет, не сон ли это и хозяин действительно здесь.

— Ты надолго решил вернуться? — осторожно интересуюсь я. — Или как?

Филипп вздыхает, засовывает руки поглубже в карманы и какое-то время молчит, глядя под ноги.

— Если честно, сам не знаю, — наконец выдаёт он. — С Людой мы... в общем, разошлись во мнениях. Она считает, что я должен повзрослеть, устроиться в банк, к её папе, и жить по расписанию. А я вот чувю: как туда устроюсь, через три дня покроюсь плесенью — и это в лучшем случае. В худшем — начну выть прямо в лицо посетителям. Моё дело — кисточки и краски. Недавно позвали в один крупный проект, строительство дома творчества, возможно, слышали. Нужен не стандартный взгляд на роспись внутренних стен и мозаичный орнамент. Но в партнёрстве есть очень красивая девушка, и Люда, как ты понимаешь...

— Ревнует и обещает лишить волос? — смеюсь я.

— Угу, — серьёзно кивает Филипп. — В общем, поставила ультиматум: или я становлюсь нормальным под крылом её папеньки, или мы расстаёмся. Как понимаешь, до звания знаменитого, а главное — обеспеченного художника мне ещё далеко. Так что, я выбрал третий вариант — сбежал к роди-

телям, пока не придумаю, как быть дальше. Кто знал, что они на Филиппины укатили? Но я рад, что есть с кем поговорить. Хорошо, что ваша подруга нашла именно мамино объявление.

— Ну да, — пожимаю я плечами. — Сказала, что мне надо сменить обстановку, а то я совсем в спячку впаду. И вот я здесь: нянька для двух господ, командующих похлеще любого начальника.

— Бруня да, — смеётся Филипп. — Помню, принесли её котёнком, так она первым делом обошла весь дом, проверила, где миски, где лежанки, и только потом соизволила с нами поздороваться. А Пух... Пух просто любит всех, кто любит его.

Мы подходим к калитке. В окне дома маячит Брунгильда. Пух вихрем врывается в прихожую, находит любимую резиновую курицу и приносит её Филиппу, радостно виляя всем, чем только можно вилять. Пока мальчики моют лапы и уши, я готовлю завтрак.

— Ничего не изменилось, — усаживается за стол Филипп. — Даже книжки на тех же местах, кажется. А мама...

— Мама будет рада, — заканчиваю я за него. — Серафима Николаевна переживает из-за вашей ссоры... Думаю, она только за, чтобы ты пожил тут. Впрочем, скоро у нас созвон по скайпу, и сам всё расскажешь.

— Хорошо бы, — Филипп смотрит на меня с надеждой. — Мы в последнюю встречу много лишнего наговорили. Не

удивлюсь, если прогонит.

— Серафима Николаевна? Прогонит родного сына? — усмехаюсь я, раскладывая по тарелкам поджаренные ломтики картошки, залитые яйцом. — Да она, кажется, только повода и ждала, чтобы тебя закормить пирогами и затискать до полусмерти. Я вообще удивляюсь, как ты вырос таким... э-э-э... самостоятельным при такой маме.

— Намекаешь, что я поздний ребёнок и должен быть избалованным до нельзя? Просто научился вовремя сбегать, — смеётся Филипп, — от чрезмерной опеки. Ты не думай, я очень полезный! Готовить умею. Немного. Бутерброды, например. Очень сложные, с двойными кусками сыра и колбасы!

Пух при слове «бутерброды» поднимает уши и пододвигается поближе к Филиппу. Бруня с подоконника взирает на эту сцену с видом умудрённой жизнью кошки, которая уже всё поняла про людей и их глупые решения.

— А что скажет начальство? — киваю я на Брунгильду. — Она у нас главная по тарелочкам.

Филипп оборачивается к кошке, складывает руки на груди и максимально серьёзно спрашивает:

— Брунгильда Эдиковна, разрешите заселиться на территорию? Обязуюсь соблюдать тихий час, много гладить, и не донимать без разрешения.

Бруня смотрит на него долгим взглядом. Потом медленно, очень медленно моргает. Раз. Два.

— Это «да»? — шёпотом спрашиваю я.

— Это «я подумаю», — так же шёпотом отвечает Филипп.

— Но она моргнула, очень хороший знак.

И мы оба закатываемся смехом. В это время Пух, успевший раз десять обежать вокруг нас, принести резиновую курицу, потом утащить её обратно, перепрятать тапок, потерять к нему интерес, слизнуть со стола шматок колбасы, теперь просто стоял и улыбался во всю свою огромную пасть. Собачье счастье было таким осязаемым, что, казалось, его можно потрогать. Сердиться на него совершенно невозможно.

Мы с Филиппом пьём чай, болтаем, и, кажется, мир не так ужасен, как мне казалось пару месяцев назад.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.